

ПОЗДНИЙ ВИТГЕНШТЕЙН, КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ИДЕАЛЬНОГО СОГЛАСНО Э.В. ИЛЬЕНКОВУ

Игорь Прись

Институт философии НАН Беларуси
(Минск, Беларусь)

Показана актуальность философского наследия советского философа Э.В. Ильенкова. Утверждается, что разработанное им с позиций диалектического материализма понятие идеального можно рассматривать с точки зрения контекстуального реализма, одним из источников которого является философия позднего Л. Витгенштейна. Контекстуальный реализм характеризуется как формальный (минимальный) реализм (реальность первична, просто такова, какова она есть; концепт реальности является первичным объяснительным концептом; реальность первична и в метафизическом смысле) и как формальный категориальный дуализм реального и идеального (концепты, правила, нормы, теории, смысл идеальны, не часть реальности; идеальное, однако, если оно не псевдоидеальное, объективно существует, укоренено в реальном, т.е. имеет реальные, или контекстуальные, условия своего существования и применения). Делается вывод о том, что позиция Ильенкова адекватно вписывается в рамки контекстуального реализма, поскольку советский философ боролся с догматизмом, а подлинный, не догматический, реализм невозможен без контекстуализма. Контекстуальный реализм позволяет скорректировать, углубить и развить философию идеального Ильенкова, а также избавить диалектический материализм от догматизма и обновить его, дополнив «терапевтическим» методом Витгенштейна. В этом случае сторонники диалектического материализма должны будут принять во внимание то, что контекстуальность – это фундаментальное эпистемологическое и онтологическое свойство реальности и что основной вопрос философии, или же проблема идеального, не решается, а «терапевтически» снимается.

Ключевые слова: Э.В. Ильенков, диалектический материализм, Л. Витгенштейн, контекстуальный реализм, проблема идеального.

The relevance of the philosophical heritage of the Soviet philosopher E.V. Ilyenkov is shown. It is argued that the concept of the ideal, developed by Ilyenkov from the standpoint of dialectical materialism, can be considered now from the point of view of contextual realism, one of the sources of which is the philosophy of the late L. Wittgenstein. In the article contextual realism is characterized as formal (minimal) realism (reality is primary, simply such as it is; the concept of reality is the primary explanatory concept; reality is primary in the metaphysical sense as well) and as formal categorical dualism of the real and the ideal (concepts, rules, norms, theories, meaning are ideal, not part of reality; the ideal, however, if it is not pseudo-ideal, objectively exists, is rooted in the real, i.e. has real, or contextual, conditions for its existence and application). It is concluded that Ilyenkov's position adequately fits into the framework of contextual realism, since the Soviet philosopher always fought against dogmatism, while genuine, non-dogmatic realism is impossible without contextualism. The author of the article interprets contextual realism as a philosophy on the basis of which Ilyenkov's understanding of the ideal can be corrected, deepened and developed. Along with this, through contextual realism it is possible, the author believes, to save dialectical materialism from dogmatism and actualize this teaching, supplementing it with Wittgenstein's "therapeutic" method. In this case, supporters of dialectical materialism will have to take into account that contextuality is a fundamental epistemological and ontological property of reality and that the main question of philosophy, or the problem of the ideal, is never solved, but "therapeutically" removed.

Keywords: Evald V. Ilyenkov, dialectical materialism, L. Wittgenstein, contextual realism, the problem of the ideal.

Введение. Поздний Витгенштейн и контекстуальный реализм

Я предлагаю посмотреть на философию идеального Э.В. Ильенкова и на диалектический материализм в целом, на первый взгляд, с неожиданной стороны – со стороны философии позднего Л. Витгенштейна.

В своей статье «Идеальное», опубликованной в «Философской энциклопедии» в 1962 г., критикуя неопозитивизм, Ильенков наряду с Р. Карнапом, на мой взгляд, ошибочно упоминает (правда, всего лишь один раз) и Витгенштейна, не уточняя, имеет ли он в виду Витгенштейна периода «Логико-философского трактата» или позднего Витгенштейна [17].

Философия Витгенштейна не неопозитивизм, хотя ранний Витгенштейн, действительно, оказал влияние на философов Венского круга. Американский аналитический философ Р. Брэндом характеризует раннего Витгенштейна как неокантианца без кантовского эмпиризма, а позднего – как неогегельянца без гегелевского рационализма [4]. Отметим также, что некоторые философы трактовали и позднего Витгенштейна, в частности его понятие формы жизни и петлевого предложения, с трансцендентальной точки зрения. Другие, как и Брэндом, проводят параллели между поздним Витгенштейном и Гегелем. Далее я буду иметь в виду позднего Витгенштейна¹.

Во всяком случае, можно согласиться с Брэндомом, что и Гегель, и Витгенштейн – нормативные прагматисты. Языковые игры и формы жизни Витгенштейна – нормативные практики [4]. Также Витгенштейна называют философом языка и даже, на мой взгляд ошибочно, лингвистическим идеалистом. В одной из своих работ французский философ Ж. Бенуа утверждает, что поздний Витгенштейн скорее философ сознания, а не языка. Существуют также реалистические трактовки Витгенштейна. Философию раннего Витгенштейна рассматривают как метафизический реализм, а позднего – как неметафизический: реализм обыденного смысла или какой-то другой.

В конце прошлого – начале этого века я интерпретировал позднего Витгенштейна именно как реалиста. Его позицию я назвал «нормативным реализмом», имея в виду витгенштейновские нормативные языковые игры и грамматически, т.е. нормативно, структурированные формы жизни, из них состоящие. Грамматика формы жизни – наиболее общие витгенштейновские правила/нормы, укорененные в реальности, опыте и управляющие ее языковыми играми. Грамматика определяет онтологию формы жизни и семейное сходство между языковыми играми. На самом деле введенный мною термин «нормативный реализм» уже существовал для обозначения реалистического подхода к нормам. Но, как оказалось, два смысла этого выражения эквивалентны: витгенштейновский нормативный реализм (я еще говорил о «нормативном натурализме») – это также правильно понятый реализм относительно норм (но не реализм норм). Позже, в 2010-е гг., появились работы Бенуа по контекстуальному реализму, в которых, в частности, критике подверглась традиционная феноменология (Бенуа начинал как феноменолог). Его подход как

¹ Еще говорят о первом и втором, или втором («Философские исследования») и третьем («О достоверности») Витгенштейнах.

раз вдохновлялся поздним Витгенштейном, и я увидел в нем много общего с моими взглядами. В частности, благодаря Бенуа я смог эксплицитно принять категориальное различие между идеальным и реальным. До этого, находясь под влиянием немецкой классической философии, я либо смешивал идеальное с реальным, либо принимал его имплицитно, либо принимал эксплицитно, но лишь для некоторых частных случаев (например, я утверждал, что философия позднего Витгенштейна критикует субстанциализацию представления, т.е. принятия его за само реальное) [5; 6; 28]. Поэтому теперь я называю его позицию «контекстуальным реализмом». Это не только моя умеренно теоретическая интерпретация позднего Витгенштейна, но и интерпретация в эксплицитно витгенштейновских терминах контекстуального реализма Бенуа.

Так вот, на мой взгляд, философия идеального Ильенкова и его критика идеализма хорошо вписываются в рамки контекстуального/нормативного реализма (далее: КР).

Советский диалектический материализм и западная философия

Диалектический и исторический материализм в настоящее время вряд ли можно назвать популярным учением. Например, в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» в 2009 г. В.П. Филатов писал, что учение диалектического материализма «рассыпалось, как изветшавший и безжизненный дом» [12]. Но еще в конце 1950-х гг. Ж.-П. Сартр критиковал догматизм современных ему марксистов и волюнтаристский идеализм сталинистов [27; 31]. Согласно французскому философу, марксизм (диалектический материализм) превратился в оторванную от жизни практику, антиреалистический опыт, формальную, априорную, предписывающую, игнорирующую условия своей применимости доктрину. В «Проблемах метода» Сартр писал: «Марксизм остановился в своем развитии: именно потому, что эта философия стремится изменить мир... в ней произошел настоящий разрыв между теорией и практикой» [27, с. 31]. Марксизм, по его мнению, – это «идеалистическое насилие над фактами» [27, с. 33], поскольку «открытые понятия марксизма стали закрытыми» [27, с. 39] и «задача марксистского формализма – устранение. Метод становится равнозначным террору из-за упорного отказа *проводить* различия» [27, с. 71]¹. И далее: «Марксист считает реальное содержание некоторого поступка или некоторой мысли видимостью, и когда он растворяет частное во всеобщем, он с удовлетворением думает о том, что ему удалось свести видимость к действительности. На деле же он определяет только самого себя – свое *субъективное* понимание реальности. Маркс был настолько далек от подобной ложной всеобщности, что пытался диалектически *построить* свое знание о человеке, постепенно восходя от наиболее общих определений к определениям наиболее точным» [27, с. 72]. С догматизмом диалектического/исторического материализма боролся и Ильенков [17–25].

¹ Между Гегелем и Витгенштейном существует не только сходство, но и важное различие. Витгенштейну приписывают следующие слова: «Гегель, как мне кажется, всегда хотел сказать, что вещи, которые выглядят по-разному, на самом деле одинаковы. В то время как мой интерес заключается в том, чтобы показать, что вещи, которые выглядят одинаковыми, на самом деле разные» [15, с. 157].

В то же время, как кажется, можно сказать, что в чем-то советская философия превосходила тогдашнюю и даже нынешнюю западную философию. Например, немецкий философ М. Габриэль говорит «о политической подоплеке идеологии натурализма» (например, редукционистские физикализм и дарвинизм – разновидности радикальной формы натурализма). Он пишет: «Натурализм – это советский историко-диалектический материализм без Советов, истории и диалектики. Это выхолощенный вариант старого доброго материализма. В этом смысле его можно рассматривать как странный остаток ранних этапов холодной войны – упрощенная материалистическая идеология, изначально продвигавшаяся американскими идеологическими государственными аппаратами (включая университеты) в целях борьбы с советскими идеями» [29]. Современный «нейроцентризм», включающий в себя нейрофизикализм, Габриэль называет «нейроманией», а Ж. Бенуа – «нейроидеализмом». Одна из книг Габриэля, в которой отвергается эта точка зрения, озаглавлена так: «Я не мозг» [30]. Ж. Бенуа отмечает, что на самом деле это грамматическая (аналитическая) истина.

Но об этом говорили еще марксисты (и не только они). Ильенков писал: «Мыслит человек с помощью мозга – вот ленинская формула. А не “мозг”, как говорят и думают односторонне рассуждающие на эту тему физиологи и кибернетики. И разница тут принципиальная. Да, все дело в том, что мыслит не мозг, а с помощью мозга индивид, вплетенный в сеть общественных отношений, всегда опосредованных материальными вещами, созданными человеком для человека» [18]. Он также напоминает, что для К. Маркса «“идеальное” ни в коем случае нельзя понимать как феномен пространственно локализованный под черепной коробкой человека» [19, с. 104]. (Мысль для Ильенкова идеальна.) Ильенков также критикует интерпретацию идеального «в терминах кибернетики, теории информации и прочих физико-математических и технических дисциплин» [18]. С точки зрения его философии, это одновременно и критика интерпретации сознания в этих терминах.

Если посмотреть более широко, то, например, французский философ М. Битболь справедливо считает, что «метафизический натурализм лежит в основании западной философии модерна и что сейчас наступает эпоха не постгуманизма, а постнатурализма» [14]. Философию модерна и постмодерна критикует Бенуа. Его критику я бы резюмировал так: западная философия потеряла ощущение реальности, анестезировала чувственное бытие, пропитана идеализмом и антиреализмом, смешивает смысл и реальность, категории идеального и реального. На смену субъективному идеализму в XX в. пришел идеализм смысла, принимающий его за автономную реальность. В частности, семантический идеализм аналитической философии второй половины XX в. дереализует реальность. (Положение улучшилось вследствие возврата к метафизике в конце XX в. В то же время, это во многом метафизика старого образца.) Что касается континентальной философии, то в ней антиреализм господствует и по настоящее время [7–9]. Правда, в XXI в. появились и развиваются так называемые «новые реализмы», в частности теории К. Мейясу, М. Габриэля, М. Феррариса и др. Общее у этих новых реализмов – отказ

редуцировать бытие к знанию о нем, реальность к объективности, реализм к объективизму. Это шаг вперед по сравнению с (пост)модерном (и одновременно возврат к классическому реализму). Но и они в большей или меньшей мере содержат в себе антиреалистическое измерение, не полностью избавлены от идеологии постмодерна. КР Бенуа – это критика в том числе и новых реализмов [7–9].

Антиреалистическая континентальная философия рассматривала и в значительной своей части продолжает рассматривать проблему противостояния реализма и идеализма как устаревшую, преодоленную. Она отказывается от понятия реальности, считая, что оно несет слишком большую метафизическую нагрузку. Этим недостатком не страдал диалектический материализм. Ильенков критикует неопозитивизм, объявивший основной вопрос философии псевдопроблемой, а понятия идеального (вообще) и материального (вообще) – псевдопонятиями.

Выше я говорил о том, что, с одной стороны, имеется связь между Гегелем и Витгенштейном, а с другой, последнего можно трактовать как реалистического философа. Поскольку Маркс поставил идеалистическую диалектику Гегеля с головы на ноги, т.е. превратил ее в материалистическую/реалистическую диалектику, то должна существовать еще более тесная связь между марксизмом и витгенштейновским реализмом¹. В статье «Реализм Маркса» я утверждал, что реализм Маркса можно трактовать как КР [10]². Критикуя догматические интерпретации диалектического материализма, Ильенков возвращался к оригинальной философии Маркса. Таким образом, объявленная мною интерпретация Ильенкова с точки зрения КР на самом деле не столь неожиданна.

Контекстуальный реализм (КР) и проблема идеального

Вкратце позицию КР я формулирую в виде двух положений [5; 6].

(1) КР – формальный (минимальный) реализм: реальность первична, просто такова, какова она есть (это аналитическая истина). Концепт реальности – первичный объяснительный концепт. Реальность также пер-

¹ О сравнении марксизма с философией Витгенштейна см., напр.: [16].

² В этой статье я также утверждал, что известное определение В.И. Ленина, согласно которому материя – это «философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [26, с. 140], если его понимать буквально, – шаг назад по сравнению с реализмом Маркса «Тезисов о Фейербахе», как раз то, что Маркс относит к «предшествующему материализму». Сартр пишет о двух крайностях в развитии марксизма, приводящих к уничтожению субъективности. Одна крайность – объективизм, т.е. понимание природы как объективной реальности, не зависящей от субъекта в некотором абсолютном смысле. Другая крайность – ленинское понимание сознания как отражения бытия, «в лучшем случае приблизительно верное его отражение»: «В обоих случаях субъективность уничтожается: в первом случае становится по ту сторону, а во втором – по эту сторону субъективности... Оба эти представления в конечном счете разрывают подлинную связь человека с историей, поскольку согласно первому из них знание есть чистая теория, несоотнесенный (*non situé*) взгляд, а согласно второму оно есть чистая пассивность» [27, с. 47].

вична в метафизическом смысле. Это первое положение можно еще сформулировать в виде тавтологии: реальное реально.

(2) КР – формальный категориальный дуализм реального и идеального. Для КР концепты, правила, нормы, теории, смысл идеальны, не часть реальности. Идеальное, однако, если оно не псевдоидеальное, укоренено в реальном, т.е. имеет реальные – контекстуальные (идеальность (нормативность) и контекстуальность неотделимы друг от друга) – условия своего существования и применения, объективно существует. То есть идеальное – в употреблении реального, в движении от одного чувственного к другому и в преодолении чувственного [8–9]. Это положение можно еще сформулировать в виде тавтологии: идеальное идеально, «идеализирует», т.е. измеряет реальное, но не порождает его.

Для сравнения, диалектический материализм утверждает первичность материи. При этом концепт материи играет роль концепта реальности. Ильенков пишет: «К идеалистическим учениям мы относим все те концепции в философии, которые в качестве исходного пункта объяснения истории и познания берут идеальное, как бы последнее ни расшифровывалось: как сознание или как воля, как мышление или как психика вообще, как “душа” или как “дух”, как “ощущение” или как “творческое начало” или же как “социально организованный опыт”» [18]. Также советский философ фактически вводит категориальное различие между идеальным и реальным. Он определяет «категорию “идеального” в ее всеобщем виде, а не через указание на его особенную разновидность» [18]¹. Он говорит об особой объективности идеального, «принципиально отличающейся от объективности чувственно воспринимаемых индивидом единичных вещей», а также о «материальных предпосылках, без наличия которых “идеальность” как специфическая форма отражения окружающего мира человеческой головой не могла бы возникнуть и осуществляться» [18].

Если формулировать КР в витгенштейновских терминах, то идеальное относится к витгенштейновской грамматике формы жизни, т.е. ее нормативной структуре. Для Ильенкова идеальное – это «формы общественного сознания», «всеобщие нормы», «нормативные схемы» культуры. Оно не субъективно, хотя и не существует без человека.

Ильенков и диалектические материалисты в целом, вслед за Ф. Энгельсом, понимают основную проблему философии как проблему отношения идеального и материального (реального), или отношения сознания/духа и материи/природы. Эквивалентным образом эта «проблема идеального» – проблема материалистического понимания его природы и роли. Это «вопрос об отношении идеального вообще к материальному вообще» [18]. Это также проблема превращения материального в идеальное и наоборот².

¹ Согласно Н.Б. Итуниной, Ильенкову удалось вывести «проблему идеального на категориальную ступень развития» [1].

² Ильенков пишет о реальной проблеме взаимного превращения «идеального» и «материального», совершающегося в ходе реального процесса: «Действительное материалистическое решение проблемы в ее действительной постановке (уже на-

В КР основная проблема философии трактуется как проблема отношения (провала) между идеальным и реальным. Категориальный (логический) провал между ними закрывается на практике (понятие, которое также играет фундаментальную роль в марксизме). Структура этого провала – структура КР. Это также структура витгенштейновской проблемы следования правилу, т.е. проблемы провала между нормой (витгенштейновским правилом) и ее применением (языковой игрой). Согласно Витгенштейну, это псевдопроблема [5–6].

Положения (1) и (2) КР эквивалентны утверждению, что онтология чувствительна к контексту. Т.е. реальность как таковая первична, а онтология вторична и зависит от формы жизни (уже нормированной части реальности) и ее языковых игр (употребления норм, грамматики). Еще одна эквивалентная формулировка КР утверждает, что нормы и их применение чувствительны к контексту (это аналитическая формулировка, т.к. нормы по определению чувствительны к контексту). Наконец, можно также сказать, что КР – это реалистическое понимание идеального, и в частности смысла.

Согласно Бенуа, как уже было сказано выше, идеализм XX в. – идеализм смысла. Это предполагает автономность и первичность смысла, который порождает, определяет реальность в некотором содержательном смысле. КР – терапевтическая (грамматическая) позиция. С этой (логической, аналитической) точки зрения смысл, по определению, измеряет реальность, и, следовательно, нет смысла спрашивать о каком-то другом смысле реальности как о том, которым она измеряется, определяется. Другими словами, КР превращает содержательный идеалистический тезис о том, что смысл – «мера реальности», в аналитическое утверждение, тавтологию. Смысл не автономен, а возникает в самой реальности в результате ее измерения.

Таким образом, грамматический (терапевтический) подход КР позволяет утверждать, что в известном (контекстуализированном) смысле идеализм и реализм – одно и то же. Т.е. контекстуальный идеализм (КИ)

мечавшейся Гегелем) было найдено, как известно, Марксом, который “имел в виду” совершенно реальный процесс, специфически свойственный человеческой жизнедеятельности. Процесс, в ходе которого материальная жизнедеятельность общественного человека начинает производить уже не только материальный, а и идеальный продукт, начинает осуществлять акт идеализации действительности (процесс превращения материального в идеальное), а затем, возникнув, “идеальное” становится важнейшим компонентом материальной жизнедеятельности общественного человека, и начинает совершаться уже противоположный процесс – материализации (опредмечивания, овеществления, “воплощения”) идеального» [18]. Эти слова, как мне кажется, могут создать впечатление, что речь идет о превращении одной субстанции в другую, тогда как идеальное не субстанция. КР предлагает несколько другие формулировки. В частности, согласно моему пониманию позднего Витгенштейна и КР, в зависимости от контекста нормативное (идеальное) может превращаться в фактическое (реальное) и наоборот. Но речь не идет о реальном (причинном) процессе.

как реалистическое понимание идеального эквивалентен контекстуальному пониманию реального: КИ=КР.

С точки зрения КР, антиреализм (идеализм) смешивает категории идеального и реального, принимая идеальное за реальное или идеализируя реальное. Критику этого смешения мы находим и у Ильенкова: «Так как внешняя вещь вообще дана человеку лишь поскольку она вовлечена в процесс его деятельности, выступает в формах этой деятельности, постольку в итоговом продукте – в представлении – образ внешней вещи всегда сливается с образом той деятельности, внутри которой функционирует внешняя вещь. Здесь и лежит гносеологическая основа отождествления вещи с представлением, реального – с идеальным, т.е. гносеологический корень идеализма любого вида и оттенка» [17].

Ильенков и КР разделяют критику эмпиризма, психологизма и субъективизма, догматического реализма (материализма), немецкого идеализма (трансцендентализма и гегельянства), а также неопозитивизма XX в., современных нейрофизикализма (который, как уже было сказано, на самом деле следует называть нейроидеализмом¹) и информационной интерпретации природы, отдают должное философии Платона, а не его метафизической интерпретации.

Согласно КР, метафизический платонизм субстанциализирует нормы, т.е. трактует идеальное как реальное, а метафизический реализм внешнего мира приписывает реальному идеальное измерение. Это две разновидности одного и того же метафизического реализма, или фетишизма, если употребить марксистскую терминологию².

Ильенков фактически говорит о том же. В статье «Идеальное» он критикует «представления об идеальном как о самостоятельной субстанции, независимой от деятельности индивидов и извне детерминирующей их деятельность» [17]. Он пишет: «Когда идеальное пытаются толковать как неподвижный, фиксированный “идеальный предмет” или “абстрактный объект”, как жестко фиксированную форму, то получается неразрешимая проблема – формой чего она является? Ибо такой оборот мысли превращает идеальное в самостоятельную субстанцию, существующую независимо от живой человеческой деятельности в качестве ее сверхчувственного, бестелесного прообраза. Между тем это – форма активной дея-

¹ «Объективная реальность “идеальных форм”, – пишет Ильенков в “Диалектике идеального”, – это не досужая выдумка злокозненных идеалистов, как то кажется псевдоматериалистам, знающим на одной стороне “внешний мир”, а на другой – только “сознающий мозг” (или “сознание как свойство и функцию мозга”). Этот псевдоматериализм, при всех своих благих намерениях, обеими ногами стоит в той же самой мистической трясине фетишизма, что и его оппонент – принципиальный идеализм. Это тоже фетишизм, только уже не бревна, бронзового идола или «лого-са», а фетишизм нервной ткани, фетишизм нейронов, аксонов и дезоксирибонуклеиновых кислот, которые заключают в себе на самом-то деле так же мало “идеального”, как и любой валяющийся на дороге камень. Так же мало, как мало “стоимости” заключает в себе еще не отысканный алмаз, каким бы огромным и тяжелым он ни был» [20, с. 58].

² В «Капитале» Маркс пишет о «товарном фетишизме».

тельности человека, обусловленная формой внешнего мира. Стоит только зафиксировать ее отдельно от деятельности, как она превращается в “чувственно-сверхчувственную вещь” с таинственно-мистическими свойствами» [17]. В «Диалектике идеального» он пишет: «Идеализм – это спекулятивная интерпретация объективности идеальной формы, т.е. факта ее независимого от воли и сознания индивидов существования в пространстве человеческой культуры» [20, с. 45]. Что касается концепции субъективного идеализма, которая идеальным именует то, что находится в сознании отдельного лица, то она создает непроходимую грань между «идеальным» и «материальным» или «реальным», поскольку, как пишет Ильенков, превращает противоположности в просто «различное», в «разные миры», не имеющие между собой ничего общего» [18].

Ставя во главу угла проблему идеального, Ильенков возвращает философии ее платонизирующее измерение. О забвении этого измерения в современной философии, несмотря на возврат к метафизике, об ослаблении стремления преодолеть пределы чувственного пишет Бенуа [8; 9].

В то же время, категориальное различие между идеальным и реальным самим Ильенковым, как кажется, не всегда выдерживается. Например, он пишет: «“Идеальность”... – характеристика... вещественно зафиксированных (объективированных, овеществленных, опредмеченных) образов общественно-человеческой культуры, то есть исторически сложившихся способов общественно-человеческой жизнедеятельности, противостоящих индивиду с его сознанием и волей как особая “сверхприродная” объективная действительность, как особый предмет, сопоставимый с материальной действительностью, находящийся с нею в одном и том же пространстве (и именно поэтому часто с нею путаемый)» [18]. Также он рассуждает об идеальном и реальном как о «строго определенных категориях объективно различающихся явлений», об идеальном – как о «своеобразной категории явлений, обладающих особым рода объективностью», «обозначении определенной сферы (круга) явлений» [18]. Например, сознание он однозначно относит к идеальному, «к категории “идеальных” явлений» [18]. К тому же, это неоправданное сужение области реального.

С точки зрения КР явления либо реальны, либо иллюзорны, но нет смысла говорить, что они идеальны. Что касается сознания, то в современной философии сознания существует множество теорий. Многие считают, что сознание реально. Согласно КР, сознание как дух (норма) идеально, но сознание как, например, ментальное состояние или первичный чувственный опыт реально.

Справедливо критикуя релятивизм, Ильенков в то же время отвергает позицию, согласно которой у предмета может быть множество «аспектов», точек зрения на один и тот же предмет, в частности на сознание. Он отвергает позицию, согласно которой с одной точки зрения сознание идеально, а с другой оно материально, идеально и реальное – разные аспекты сознания. Для него предметы существуют «сами по себе», что можно трактовать как «независимо от контекста» [18].

КР (а также новые реализмы) не редуцирует реальное к объективному, как это свойственно философии модерна, а делает различие между реальностью и миром, или формой жизни, – уже объективированной,

т.е. концептуализированной, нормированной, так сказать, прирученной частью реальности. Реальность сама по себе не имеет никакого идеального измерения. Для КР между первичным (неконцептуализированным) чувственным опытом и реальностью нет никакой дистанции. Как пишет Ильенков, «ощущения тяжести в животе или в мышцах руки» не содержат в себе ничего идеального. Они просто реальны.

Внешняя объективная реальность, состоящая из объектов, свойств и отношений между ними, – это уже нормированная, «концептуализированная», «идеализированная» часть реальности. Но нормированная реальность – это та же самая реальность, а не какая-то новая, «идеализированная реальность».

Для Ильенкова тоже «в природе самой по себе, в том числе в природе человека как биологического существа, идеального нет» [17]. «Идеальное есть... не что иное, как форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной деятельности. Это общественно-определенная форма активности человеческого существа» [17]. В «Диалектике идеального» он пишет, что главная трудность в том, чтобы разграничить уже «идеализированный мир» и реальный мир – «мир, существующий до, вне и независимо от сознания и воли вообще (то есть не только от сознания и воли индивида, но и от общественного сознания и от общественно организованной “воли”» [19, с. 49], «разграничить мир коллективно исповедуемых представлений, т.е. весь социально-организованный мир духовной культуры, со всеми устойчивыми и вещественно-зафиксированными всеобщими схемами его структуры, его организации, и *реальный, материальный мир, каким он существует вне и помимо его выражения в этих социально-узаконненных формах “опыта”, в объективных формах “духа”*» [20, с. 36].

Но социальный мир тоже реален. Иногда кажется, что для Ильенкова «идеализированный мир» – это некий другой мир, который отличается от мира до его идеализации: «“Идеальность” – та своеобразная печать, наложенная на вещество природы общественно-человеческой жизнедеятельностью, это форма функционирования физической вещи в процессе общественно-человеческой жизнедеятельности... Все вещи, вовлеченные в социальный процесс... обретают новую, в физической природе их никак не заключенную и совершенно отличную от последней “форму существования”, идеальную форму» [20, с. 41]. Для Ильенкова иконы и талеры «по сути своей... всецело идеальны, хотя по существованию – вещественны, материальны» [18]. Это критика фетишизма. Согласно КР, иконы и талеры реальны как социальные объекты, т.е. они реальны в социальном контексте. Эту нестыковку заметил М.А. Лифшиц: «Талер в уме и талер в кармане не дают мне покоя» [2, с. 202].

С КР также расходится точка зрения Ильенкова на искусство: «К “модернистскому” искусству отношение наше... категорически отрицательное, ибо это “искусство” не развивает способность продуктивного воображения, то есть свободного воображения, а культивирует вместо него произвол воображения, не способность “схватывать целое раньше частей”, а способность гипертрофировать частности» [21]. Но, как показал Бенуа, эстетика модерна (а не современного, модернистского искусства) – идеали-

стическая, поскольку в ней устраняется само видимое и слышимое и остается лишь увиденное и услышанное – увиденные и услышанные объекты. Чувственное она нагружает смыслом, желая видеть не само чувственное, а его смысл. Чувственное бытие вещи имеет, однако, собственное онтологическое измерение. Современное искусство отказывается от дискурсивной модели классического искусства – как в музыке, так и в живописи. Оно возвращает нам сам чувственный опыт, с которым артист что-то делает, в котором он прокладывает свой путь, выявляя тот или иной его аспект – аспект реальности. Существует тесная связь между современным искусством и подлинно реалистической философией [6, гл. 2 части 7; 11].

Идеальное как «форма», концепт. Критические замечания М. Лифшица

В «Беседе про идеальное» (24.02.1968) Ильенков утверждает, что у него нет никакой оригинальной концепции идеального. В какой-то мере это действительно так. Подход Ильенкова, его возврат к Марксу можно назвать терапевтическим.

В то же время, Ильенков приводит множество формулировок идеального: «Труд, реальное преобразование окружающего мира и самого себя... есть тот процесс – совершенно независимо от мышления начинающийся и продолжающийся, – внутри которого в качестве его метаморфозы рождается и функционирует идеальное... Здесь – тайна идеального, и здесь же – ее разгадка» [24, с. 194]; «Идеальное – форма вещи... но вне этой самой вещи, в человеке. В виде формы его активной деятельности»; «Идеальное... образ или способ деятельности человека, адекватный форме внешней вещи, совпадающий с нею, согласующийся с нею»; идеальное – «образ (или способ) деятельности, тождественный форме внешней вещи»; идеальное – форма построения вещи, «способ активного построения некоторой внешней вещи», «субъективный образ объективной вещи» [19, с. 103]. Отсюда можно извлечь следующее понятие идеального: идеальное – это форма, «образ или способ деятельности человека», т.е. концепт, правило, норма, позволяющие идентифицировать или реализовать определенную вещь, объект.

Отметим, что Ильенков употребляет такие выражения и формулировки, как «внешняя вещь», «внешний мир (реальность)», «объективная (внешняя) реальность» (а не просто «реальность»). Он пишет о категории «идеальности» как о «конкретно-содержательном определении известной категории явлений», которая фиксирует «форму процесса отображения объективной реальности в общественно-человеческой по своему происхождению психике» [18]. Для КР понятие внешнего мира – бессмысленное понятие. Это понятие, а также выражения «субъективный образ объективного мира», «отображение объективной реальности» относятся к философии модерна (объективная реальность – это уже объективированная реальность), предполагают субъект-объектную дихотомию, отвергаемую как Марксом, так и поздним Витгенштейном [16].

Лифшиц приписывает Ильенкову и справедливо критикует мысль, что «идеальное есть синоним общественного (или общественное сознание) и в этом смысле противостоит и сознанию индивидуальному, и материальной природе» [2, с. 216]. Он подчеркивает, что «с точки зрения

основного вопроса философии... совершенно безразлично, идет ли речь о сознании отдельной личности или о сознании общества, коллективном сознании» [2, с. 203]. Уточним, однако, что для Ильенкова идеальное не общественно-человеческая психика, а ее «форма». При этом, конечно, идеальна и форма индивидуального сознания, а не только общественно-го. Позиция Лифшица также согласуется с КР в том, что идеал может быть реализован и реализуется [2, с. 212–213]: «Идеал можно понять материалистически – как соответствие своему понятию» [2, с. 206]; «Идеальное становится условием истинного, одним из полюсов истины, о котором забывает всякий номинализм, эмпиризм, позитивизм, “логический”, “критический” и всякий другой» [2, с. 207]. Для КР ложная проблема недостижимости идеала возникает как раз вследствие идеалистической субстанциализации идеала. Реализация нормы (идеального, идеала) – это ее корректное применение в контексте.

Отметим еще один важный момент в позиции Лифшица. Критикуя точку зрения М. Мерло-Понти, что в материализме есть свой замкнутый круг, а также точку зрения русских махистов, он пишет: «Я могу представить себе отдаленную геологическую эпоху Земли или то, что на ней будет после меня... Мысль не может представить себя немыслящей. Нельзя мыслить без мысли. С логической точки зрения это просто тавтология» [2, с. 118–119]. Этот терапевтический аргумент актуален. Мы находим его у Бенуа – в его критике так называемого «корреляционизма» и «антикорреляционизма» спекулятивного реализма (материализма) Мейясу: «Мы *думаем* о вещах, о которых мы думаем» [28, р. 21]. Позиция антикорреляциониста такова, «как если бы, в некотором роде, существовал способ думать о бытии, не думая о нем» [28, р. 21]. Другими словами, нельзя думать о чем-то, не думая об этом, т.е. не думая об этом в рамках определенной перспективы; не существует бесперспективного (деконтекстуализированного) мышления.

Лифшиц напоминает, что Ильенкова обвиняли в гегельянстве, и считает, что это не так. У меня, однако, есть подозрение, что и Ильенков, и Лифшиц иногда делают уступку идеализму. Например, Лифшиц пишет: «Э.В. Ильенков утверждает, что допускать присутствие идеального в природе – это идеализм, идеализм Гегеля или даже Платона». (КР с этим соглашается: реальность (природа) как таковая не имеет никакого идеального измерения.) Это «пугало обыденного и даже обывательского рассудка. Ведь признает же он [Ильенков. – И.П.] “всеобщее” объективной категорией, присущей и природе и обществу, а идеальное есть только определенная форма выражения всеобщего. Идеализм состоит не в том, что допускается независимое от человека существование этих категорий, он состоит в том, что материя рассматривается как нечто безнадёжно разбитое на конечные части, лишённые цельности, а потому в принципе лишённое идеального и всеобщего» [2, с. 215]. Согласно КР (см. положение (1)), о материи, т.е. о реальности как таковой, нет смысла говорить как о чем-то таком, что имеет или не имеет цельности. Она просто такова, какова она есть. Поэтому рассматривать материю как лишённую цельности – это идеализм. Но рассматривать ее как обладающую цельностью – в той же мере идеализм.

Согласно Ильенкову, тайну «идеальности» разгадал Маркс: «Идеальность, по Марксу, и есть не что иное, как представленная в вещи форма общественно-человеческой деятельности, отражающая объективную реальность. Или, наоборот, форма человеческой деятельности, отражающая объективную реальность, представленная как вещь, как предмет» [20, с. 41]. Эту формулировку можно интерпретировать в терминах различия, которую КР делает между идеальным объектом, т.е. концептом, правилом/нормой, «представленными как вещь, как предмет», и реальным объектом, т.е. реализацией идеального объекта, формой общественно-человеческой деятельности, представленной в вещи. Норма (правило, концепт) как идеальный объект применяется в контексте и не может быть отделена от своего применения – реального объекта. Такая интерпретация, как кажется, разрешает следующее противоречие, на которое указывает Лифшиц в объяснении понятия идеального у Ильенкова: у Ильенкова есть «две разные мысли, которые плохо вяжутся друг с другом. Ему предстояло сделать еще один шаг, чтобы освободиться от этой двойственности... Одна мысль состоит в том, что идеальное не принадлежит только человеческой голове, но имеет объективное существование, так же как объективно существует его более широкая основа – всеобщее. Другая мысль состоит в том, что идеальное существует не как сознание отдельного человека, а как сознание общественное, коллективное и притом воплощенное в предметах труда и культуры. Можно с полным убеждением сказать, что эти мысли не совпадают и даже прямо противоречат друг другу» [2, с. 199–200].

КР можно также назвать нормативным, интенциональным (в своей более ранней работе Бенуа как раз писал об «интенциональном реализме») или концептуальным реализмом. Или же, если употребить оксюморон, КР можно просто назвать «идеальным реализмом». Причем акцент в этом выражении может смещаться с одного слова на другое: это *идеальный* реализм в том смысле, что идентификация того, что существует, реально, предполагает употребление идеального, и это идеальный *реализм* в том смысле, что само идеальное, употребляемое для идентификации, измерения реального, существует объективно в смысле своего укоренения в реальности, наличия реальных условий своего применения. К контексту чувствительна не только онтология, идентифицируемая идеальным, но и само идеальное, в частности смысл и нормы. Реализм идеального, однако, не утверждает (а отрицает) реальность идеального.

Для Ильенкова идеальное укоренено в материальном/реальном, социальной практике, оно объективно и не является социальной конструкцией; наличие же сознания и воли предполагает идеальное. Он пишет: «Ни о какой “идеальности” не приходится говорить там, где нет общественно-производящих и воспроизводящих свою материальную жизнь людей, т.е. индивидов, коллективно осуществляющих труд и потому непременно обладающих и сознанием, и волей. Но это никак не значит, что “идеальность вещей” – продукт их сознательной воли, что она “имманентна сознанию” и существует только в сознании. Как раз наоборот, сознание и воля индивидов выступают как функции идеальности вещей, как осознанная идеальность вещей. Идеальность тем самым имеет чисто социальную природу

и происхождение, и вместе с тем идеальное в форме знания отражает объективную реальность, не зависящую от человечества». И далее: «Это форма вещи, но вне этой вещи, и именно, в деятельности человека, как форма этой деятельности. Или, наоборот, форма деятельности человека, но вне этого человека, как форма вещи. Этим и обусловлена вся ее таинственность, вся ее загадочность, служащая реальной основой для всевозможных идеалистических конструкций и концепций и человека, и мира вне человека, начиная от Платона и кончая Карнапом и Поппером [Витгенштейн не упомянут. – *И.П.*]. Согласно Ильенкову, имеет место «дуальность» идеального и реального, неотделимость идеального от реального, идеального и реального объектов: «Она – “идеальность” – все время ускользает от метафизически однозначной теоретической фиксации. Стоит ее зафиксировать как “форму вещи” [акцент на идеальном (форме) в “идеальном/интенциональном реализме”. – *И.П.*], как она уже дразнит теоретика своей “невещественностью”, своим “функциональным” характером, выступая лишь как форма “чистой деятельности”, лишь как *actus purus*. Но стоит, наоборот, попытаться зафиксировать ее “как таковую” [акцент на реализме в выражении “идеальный/интенциональный реализм”, на идеальном объекте. – *И.П.*], как очищенную от всех следов вещественно-осязаемой телесности, как сразу же оказывается, что затея эта принципиально невыполнима, что после такого вычитания остается лишь одна прозрачная пустота, никак не оформленный вакуум [идеальное не автономно, не реально, но оно укоренено в реальном. – *И.П.*]» [20, с. 41]. Эта длинная цитата иллюстрирует то, что я называю КР, или «идеальным реализмом»¹.

Выше я указал на общность некоторых основных положений марксизма и КР. Отмечу еще, что общим является также принцип тождества бытия и мышления, если его понимать в том смысле, что мы способны познавать сами вещи. На самом деле этот принцип – следствие положений (1) и (2). Говоря о принятии принципа тождества бытия и мышления Ильенковым, Г.В. Лобастов характеризует его так: «Мышление должно выразить бытие таким, каково оно есть» [3, с. 203]. Согласно же Ильенкову, марксистское решение проблемы тождества бытия и мышления состоит в следующем: «Сравнивание понятия с предметом возможно, поскольку понятие (мышление) есть не самостоятельный, вне мира витающий призрак, а форма деятельности реального человека в реальном пространстве» [25]. В терминах КР это означает, что наши концепты (язык) выработаны на практике, не отделены от языковых игр их практического употребления. Поэтому, если концепты (язык) употребляются корректно, они схватывают (описывают) именно то, что предназначены схватывать (описывать).

¹ Согласно Г.В. Лобастову, Ильенков разрушил «догматическую... форму противоположения идеального и материального, закрепившуюся в советской философии... – именно пониманием диалектики и развитием понятия идеальной формы» [3, с. 205]. Догматическое противоположение идеального и реального, делающее их взаимное превращение невозможным, – это их противоположение как своего рода субстанций.

Заключительные замечания

На мой взгляд, философия идеального Ильенкова может быть актуализирована и интерпретирована с точки зрения КР.

Сартр считал, что догматизм современного ему марксизма может быть преодолен, если его дополнить экзистенциализмом. Так, он писал: «Марксизм вырождается в бесчеловечную антропологию, если он не включает в себя вновь самого человека в качестве своего основания» [27, с. 251]. Задача, полагал он, в том, чтобы устранить «внутреннее противоречие между пониманием человека-действителя и познанием человека-объекта» [27, с. 253]. Это предполагает отказ от догматической метафизики природы. Бытие не следует редуцировать к знанию о нем. Подобно тому, как это делают новые реалисты ХХI в., и Маркс, и экзистенциалисты отделяют бытие (реальное) от знания (идеального). Согласно Сартру, это не иррационализм, а подлинный реализм, основывающий познание и антропологию на человеческом существовании [27, с. 254]. Человек для французского философа – это проект, устремляющий его из определенной ситуации к социальным возможностям.

Такое понимание согласуется с позицией КР, представляющей собой философию свободы. Витгенштейновские языковые игры, онтология, формы жизни не предопределены. КР также имеет этическое измерение (это «нормативный реализм»). Согласно Бенуа, парадоксальный лозунг французской студенческой революции 1968 г. «Будьте реалистами, требуйте невозможного!» нужно понимать буквально. Это единственно возможный формат реализма [28, с. 342; 31].

Ильенков боролся с догматизмом. Но подлинный, не догматический, реализм невозможен без контекстуализма (в этом смысле выражение «контекстуальный реализм» – плеоназм). КР позволяет скорректировать, углубить и развить философию идеального Ильенкова, а также изобразить философию диалектического материализма в целом от догматизма и обновить ее, дополнив диалектический материализм терапевтическим методом позднего Витгенштейна. Диалектический материализм должен принять во внимание, что «контекстуальность... фундаментальное эпистемологическое и онтологическое свойство реальности» [28, с. 53]. Основной вопрос философии, или проблема идеального, не решается, а терапевтически снимается, «растворяется». Это псевдопроблема, но не в том смысле, в котором утверждал неопозитивизм¹.

Литература

Исследования

1. Итунина Н.Б. Концепция идеального Э.В. Ильенкова (к 95-летию со дня рождения философа) // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 10. С. 295–302.

¹ Уже после написания этой статьи я узнал, что с поздним Витгенштейном сравнивает Ильенкова Д. Бакхурст (Bakhurst) [13]. Моя интерпретация этих двух философов в рамках КР, однако, отличается от интерпретации Бакхурста.

2. *Лифшиц М.* Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003.
3. *Лобастов Г.В.* Свободная мысль ильенковской философии. Размышления с книгой в руках // Свободная мысль. 2020. № 6 (1678). С. 203–210.
4. *Прись И.Е.* Витгенштейн в философии Роберта Брэндома. Lambert, 2017.
5. *Прись И.Е.* Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб.: Алетейя, 2020.
6. *Прись И.Е.* Знание в контексте. СПб.: Алетейя, 2022.
7. *Прись И.Е.* Контекстуальный реализм. Интервью с Жосленом Бенуа // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19. № 1. С. 63–117.
8. *Прись И.Е.* От одного чувственного к другому (к метафизическому значению чувственных восприятий). Часть 1. Ж. Бенуа // Вопросы философии. 2022. № 7. С. 75–86. (Перевод с аннотацией и примечаниями).
9. *Прись И. Е.* От одного чувственного к другому (к метафизическому значению чувственных восприятий). Часть 2. Ж. Бенуа // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 86–96. (Перевод с аннотацией и примечаниями).
10. *Прись И.Е.* Реализм Маркса // Диалог. 2019. № 1 (13). С. 15–25.
11. *Прись И.Е.* Современное искусство и контекстуальный реализм // Сборник докладов международной научно-практической конференции «Современная онтология – X: Онтология и искусство». Санкт-Петербург, Саратов, 28 июня – 2 июля 2021 г. / Ред.: П.М. Колычев, К.В. Лосев. СПб.: ГУАП, 2022. С. 19–25.
12. *Филатов В.П.* Диалектический материализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Сост. и общ. ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 188–189.
13. *Bakhurst D.* The Heart of the Matter: Ilyenkov, Vygotsky and the Courage of Thought. Leiden: Brill, 2023.
14. *Bitbol M.* La conscience artificielle: Une critique pensée et vécue // Chroniques Phénoménologiques. 2018. № 10. P. 5–16.
15. *Drury M. O'C.* The Danger of Words and Writings on Wittgenstein. UNKNO, 1996.
16. Marx and Wittgenstein: Knowledge, Morality and Politics / Ed. by G. Kitching, N. Pleasants. Routledge, 2002.

Источники

17. *Ильенков Э.В.* Идеальное // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 219–227.
18. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального. Статья первая // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140.
19. *Ильенков Э.В.* Идеальное и реальность. 1960–1979 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018.
20. *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1(69). С. 6–62.
21. *Ильенков Э.В.* Гегель и «отчуждение» // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 141–152.
22. *Ильенков Э.В.* Проблема идеала в философии: статья первая // Вопросы философии. 1962. № 10. С. 118–129.
23. *Ильенков Э.В.* Проблема идеала в философии: статья вторая // Вопросы философии. 1963. № 2. С. 132–144.
24. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984.

25. Ильенков Э. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Дialeктика – теория познания. Историко-философские очерки / Ред. Б.М. Кедрова. М.: Наука, 1964. С. 21–54.
26. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Изд-во политической литературы, 1986.
27. Саптр Ж.-П. Проблемы метода. М.: АСТ, 2023.
28. Benoist J. L'adresse du réel. Paris: Vrin, 2017.
29. Gabriel M. Neo-existentialism. How to conceive of the human mind after naturalism's failure / Ed. by J. Maclure. Polity, 2018.
30. Gabriel M. Ich ist nicht Gehirn: Philosophie des Geistes für das 21. Jahrhundert. Ullstein, 2015.
31. Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Paris: Gallimard, 1960.

Pris, Igor E. *Later Wittgenstein, contextual realism, and the problem of the ideal according to E.V. Ilyenkov*

References

1. Itunina, N.B. (2019), The concept of the ideal by E.V. Ilyenkov (to the 95th anniversary of the philosopher's birth, *Byulleten nauki i praktiki*, vol. 5, no. 10, pp. 295–302 (in Russian).
2. Lifshits, M. (2003), *Dialog s Evaldom Ilyenkovym. (Problema idealnogo)* [Dialogue with Evald Ilyenkov. (The problem of the ideal)], Progress-Tradition, Moscow (in Russian).
3. Lobastov, G.V. (2020), Free thought in Ilyenkov's philosophy. Reflections with a book in hand, *Svobodnaya mysl*, no. 6 (1678), pp. 203–210 (in Russian).
4. Pris, I.E. (2017), *Vitgenshteyn v filosofii Roberta Brendoma* [Wittgenstein in Robert Brandom's Philosophy], Lambert (in Russian).
5. Pris, I.E. (2020), *Kontekstualnost ontologii i sovremennaya fizika* [Contextuality of Ontology and Contemporary Physics], Aletheia, St. Petersburg (in Russian).
6. Pris, I.E. (2022), *Znanie v kontekste* [Knowledge in Context], Aletheia, St. Petersburg (in Russian).
7. Pris, I.E. (2021), Contextual realism. Interview with Jocelyn Benoist, *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*, vol. 19, no. 1, pp. 63–117 (in Russian).
8. Pris, I.E. (2022), From one sensory to another (to the metaphysical meaning of sensory perceptions). Part 1. J. Benoist, *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 75–86 (in Russian).
9. Pris, I. E. (2022), From one sensory to another (to the metaphysical meaning of sensory perceptions). Part 2. J. Benoist, *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 86–96 (in Russian).
10. Pris, I. E. (2019), Marx's realism, *Dialog*, no. 1 (13), pp. 15–25 (in Russian).
11. Pris, I. E. (2022), Contemporary art and contextual realism, in: Kolychev, P.M., & Losev, K.V. (eds.), *Collection of papers of the international scientific and practical conference "Modern Ontology – X: Ontology and Art". St. Petersburg, Saratov, June 28 – July 2, 2021*, pp. 19–25 (in Russian).
12. Filatov, V.P. (2009), Dialectical materialism, in: Kasavin, I.T. (ed.), *Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki*, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», Moscow, pp. 188–189 (in Russian).
13. Bakhurst, D. (2023), *The Heart of the Matter: Ilyenkov, Vygotsky and the Courage of Thought*, Brill, Leiden.

14. Bitbol, M. (2018), La conscience artificielle: Une critique pensée et vécue, *Chroniques Phénoménologiques*, 10, pp. 5–16.
15. Drury, M. O'C. (1996), *The Danger of Words and Writings on Wittgenstein*, UNKNO.
16. Kitching, G., & Pleasants, N. (eds.) (2002), *Marx and Wittgenstein: Knowledge, Morality and Politics*, Routledge.